

Лунькова Елизавета Михайловна
магистрант кафедры уголовного права, криминологии и
уголовного процесса,
Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия
e-mail: elizaveta_lunkova@mail.ru

КРИТЕРИИ ОТГРАНИЧЕНИЯ КОСВЕННОГО УМЫСЛА ОТ ПРЕСТУПНОГО ЛЕГКОМЫСЛИЯ

Аннотация. В статье исследуется вопрос о необходимости разграничения таких видов вины, как косвенный умысел и преступное легкомыслие. Как в теории уголовного права, так и на практике, наиболее сложной остается проблема разграничения неосторожной и умышленной формы вины. Правильная квалификация действий лица позволяет восстановить социальную справедливость и назначить справедливое наказание виновному.

Ключевые слова: вина, умышленная форма вины, неосторожная форма вины, косвенный умысел, легкомыслие.

Lunkova Elizaveta Mikhailovna
Master's Student, Department of Criminal law, criminology and
criminal process,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

CRITERIA DELIMITATION INDIRECT INTENT FROM CRIMINAL INADVERTENCE

Abstract. In the article analysis the issue of distinguish between types of guilt such as indirect intent and criminal inadvertence. In theory of criminal law as well as in practice the most difficult remains the problem of distinction between careless and intentional forms of guilt. The correct legal qualification of a person's actions allows restoring social justice and imposing a fair punishment on the perpetrator.

Keywords: guilty mind, intent, carelessness, indirect intent, inadvertence.

Еще в XIX в. было отмечено, что «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня»³². Принцип ответственности за деяния, совершенные только при наличии вины, впервые закреплён лишь в Уголовном кодексе РФ. Так, согласно ст. 5 УК РФ «лицо подлежит уголовной

³² Фельдштейн Г.С. Природа умысла. М., 1898. С. 2.

ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». Кроме того, в ч. 2 той же статьи содержится прямой запрет на объективное вменение. «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Это значит, что невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности только лишь за фактическое совершение им деяния. При объективном вменении основанием уголовной ответственности становятся только общественно опасные последствия деяния или общественная опасность личности. Подобный подход при его официальном закреплении в законодательстве может быть преобразован в инструмент репрессий.

С. А. Якушкин полагает, что «принцип вменения вины оказывает прямое воздействие на развитие правовой системы государства и общества. От выбора принципа субъективного или объективного вменения вины зависит направление развития и функционирование системы общественных отношений»³³. Таким образом, всегда должна быть совокупность объективных и субъективных признаков: наличие в объективной реальности какого-либо деяния и вины лица, совершившего это деяние.

Элементами вины как психического отношения выступают сознание и воля, которые в своей совокупности образуют ее содержание. Различные сочетания интеллектуального и волевого элементов образуют две формы вины — умысел и неосторожность, по отношению к которым вина является родовым понятием. Признать лицо виновным — значит установить, что оно совершило преступление либо умышленно, либо по неосторожности.

Для того, чтобы это сделать, необходимо правильно установить форму вины, то есть уметь отграничивать неосторожность от умысла. Ведь на практике часто встречаются случаи, когда по объективным признакам это абсолютно сходные деяния, но именно психическое отношение лица к нему, то есть субъективный признак, позволяет отграничить убийство от причинения смерти по неосторожности, умышленное уничтожение чужого имущества от неосторожного его уничтожения или повреждения и др. Отграничение этих сходных на первый взгляд деяний и есть основная функция правоприменительных органов, то есть правильная квалификация действий (бездействия) субъектов.

Умысел, согласно ст. 25 УК РФ, подразделяется на прямой и косвенный, однако для квалификации не имеет значения, с каким видом умысла совершается преступление. Разделение умысла на прямой и косвенный необходимо как раз для того, чтобы отграничить одну форму вины от другой. В ч. 2 ст. 25 УК РФ содержится определение прямого умысла «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных

³³ Якушкин С.А. Преимущества принципа субъективного вменения вины в уголовном праве// Бюллетень науки и практики. 2017. №6 (19). С. 302.

последствий и желало их наступления». А в ч. 3 той же статьи приведено определение косвенного умысла «преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия, либо относилось к ним безразлично». Причем с прямым умыслом все просто, его интеллектуальный и волевой критерий сформулированы таким образом, что не возникает смежности понятий, все четко: лицо осознавало, предвидело и желало. А вот отграничение преступного легкомыслия от косвенного умысла на практике вызывает некоторые затруднения. Их интеллектуальные критерии во многом совпадают, а волевые критерии легкомыслия и косвенного умысла представляют проблему для определения того или иного вида вины.

Разграничение легкомыслия и косвенного умысла по интеллектуальному критерию в науке остается до сих пор спорным. Одни авторы полагают, что отличие легкомыслия от косвенного умысла состоит в степени предвидения. Отмечается, что интеллектуальный критерий косвенного умысла характеризуется предвидением реальной возможности наступления последствий, а легкомыслия — только лишь абстрактной возможности наступления данных последствий³⁴.

Другие правоведы считают, что в интеллектуальном критерии легкомыслия и косвенного умысла нет никаких различий³⁵.

Стоит присоединиться к первому мнению, что интеллектуальный аспект легкомыслия и косвенного умысла имеет различия в степени предвидения наступления общественно опасных последствий. Таким образом, при косвенном умисле лицо предвидит реальную возможность наступления указанных последствий в конкретном случае, в котором участвует виновное лицо. При легкомыслии же лицо осознает лишь потенциальную возможность наступления преступного результата в сложившейся ситуации, но только в том случае, если реальные внешние факторы, на которые лицо возлагало надежды, окажутся неспособными к предотвращению опасных последствий.

Основное отличие этих двух видов вины заключается в их волевом критерии. При косвенном умисле лицо одобрительно относится к возможности наступления последствий, хотя прямо их не желает. То есть виновное лицо либо сознательно допускает наступление преступного результата, либо относится к нему безразлично. При легкомыслии все совсем наоборот. Лицо отрицательно относится к наступлению общественно опасных последствий. Как видно из законодательного определения, оно самонадеянно и без достаточных к тому оснований рассчитывает эти последствия предотвратить. Однако расчет идет не столько на свои действия, сколько на реальные обстоятельства, которые и должны помешать наступлению вредных

³⁴ Верина Г. В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. С. 167.

³⁵ Складов С. В. Некоторые проблемы законодательной регламентации неосторожной формы вины// Уголовное право. 2004. № 2. С. 59-60.

последствий. Такими реальными обстоятельствами могут служить: действия других лиц, особенности обстановки, свойства механизмов и др.

Также теорией уголовного права, можно сказать, был разработан еще один признак волевого компонента, по которому различаются преступное легкомыслие и косвенный умысел³⁶. Это расчет на случайное стечение обстоятельств. Если лицо рассчитывает на реальные обстоятельства, которые действительно существовали в момент совершения им деяния, то речь идет о преступном легкомыслии. Если же лицо рассчитывает на случайное стечение обстоятельств и полагается «на авось», то это свидетельствует о наличии косвенного умысла, так как рассчитывать, по сути, было не на что.

В.А. Нерсисян же считает, что нет четкой границы между основаниями для расчета. Он говорит, что обстоятельства, на которые рассчитывает виновный, действующий по легкомыслию, не обязательно должны существовать в реальности. Они могут либо отсутствовать вообще, либо не иметь такого значения, которое им придает виновный³⁷. А.П. Козлов критически относится к данному воззрению и считает, что такое отношение к расчету сотрет грани между легкомыслием и косвенным умыслом³⁸. И с ним нельзя не согласиться, ведь действительно, если расчет идет на несуществующие в объективной действительности обстоятельства, которые неспособны предотвратить наступление общественно опасных последствий от действий виновного, то это как раз свидетельствует о сознательном допущении или безразличном отношении к таким последствиям, то есть наличии в действиях лица косвенного умысла. Если же такие обстоятельства присутствуют, то можно вести речь о наличии в действиях виновного преступного легкомыслия.

Говоря о расчете, следует отметить и расчет на силы природы, так как ученые тоже не могут прийти к единому мнению на этот счет. Одни считают, в их числе И.М. Тяжкова, что расчет на естественные силы природы — это признак волевого момента легкомыслия³⁹. А другие считают, что это оттенок волевого элемента косвенного умысла⁴⁰.

Следует все же согласиться со вторыми, так как силы природы столь непредсказуемы, что вряд ли можно говорить о них как о «реальных обстоятельствах», поэтому расчет на силы природы — надежда все же на случайное стечение обстоятельств, что свидетельствует о наличии косвенного умысла в действиях виновного.

Для того, чтобы продемонстрировать разницу между косвенным умыслом и преступным легкомыслием, приведем характерные примеры.

³⁶ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник/ под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2000. С. 174.

³⁷ Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. С. 84.

³⁸ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб, 2004. С. 629.

³⁹ Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб, 2002. С. 25.

⁴⁰ Уголовное право России: курс лекций в 6 т. Т. 2. Глава 9. Субъективная сторона преступления/ под ред. Б. Т. Разгильдиева. С. 338.

Легкомыслие. Б. родила дочь С. При рождении малолетней С. был поставлен диагноз: врожденный порок сердца, а также дефект межжелудочковой перегородки, что является угрожающим для ее жизни и здоровья. Некоторое время С. находилась на обследовании в научно-исследовательском институте, где был подтвержден ее диагноз, а состояние было оценено как состояние средней тяжести. Чуть позже малолетняя С. была осмотрена участковым педиатром и кардиологом, они обнаружили ухудшение состояния С., ей нужна была срочная госпитализация. От госпитализации Б., являясь законным представителем С., отказалась. В дальнейшем Б. уклонялась от врачебного наблюдения за С., отказалась от медикаментозного лечения и хирургического вмешательства, но стала практиковать нетрадиционные методы лечения и обратилась к парапсихологу, который, по мнению Б., оздоравливал дух С. и смог бы излечить имеющееся у С. заболевание. В конечном итоге малолетняя С. скончалась.⁴¹

Данный пример ярко показывает характер действий лица, который совершает преступление по легкомыслию. Так, мать знала, что у ее малолетней дочери диагностирован врожденный порок сердца, который является угрожающим заболеванием для ее жизни и здоровья, требует обязательного оперативного лечения для спасения жизни девочки. Также мать предвидела наступление общественно опасных последствий в виде смерти, если малолетней дочери не будет оказана должная медицинская помощь, но все же отказалась от госпитализации и хирургического вмешательства. И без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывала предотвратить указанные последствия, обратившись к нетрадиционным методам лечения. То есть мать рассчитывала на конкретные, существующие в реальности обстоятельства, не пустила ситуацию на самотек, а пыталась столь странными при данном заболевании средствами предотвратить наступившие последствия. Поэтому действия Б. и были квалифицированы по ч. 1 ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности, совершенные по легкомыслию.

Что касается косвенного умысла, то можно привести следующий пример: Т. находился в ночном клубе, где у него произошел конфликт с ранее незнакомым ему М., в ходе которого они вышли на улицу. Находясь возле ночного клуба, Т., действуя умышленно, с целью причинения вреда здоровью М., из личных неприязненных отношений, достал имеющееся при нем гражданское огнестрельное оружие ограниченного поражения — пистолет, предназначенный для стрельбы газовыми и холостыми патронами центрального боя, а также патронами с резиновой пулей, снаряженный патроном 9-мм с резиновой пулей, и выстрелил в М. В результате чего Т. причинил М. телесные повреждения, причинившие средней тяжести вред здоровью, по признаку длительного расстройства здоровья сроком свыше 3-х

⁴¹ Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 31.05.2012 г. [Электронный ресурс]. Уголовное дело № 1-119/2012. <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-novosibirska-novosibirskaya-oblast-s/act-105914442/> (10.05.2018 г.)

недель.⁴² На предварительном расследовании действия Т. были квалифицированы по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105 УК РФ как покушение на убийство, однако в судебном заседании были переквалифицированы на ч. 1 ст. 112 УК РФ на умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. В соответствии с ч. 3 ст. 30 УК РФ, покушением на преступление признаются умышленные действия лица, непосредственно направленные на совершение конкретного преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Покушение на убийство, как и вообще покушение, может совершаться только с прямым умыслом. Т. показал, что он никого не хотел убивать. Таких намерений Т. не высказывал ни во время конфликта с М. в клубе, ни возле клуба. Кроме того, суд учитывает, что Т. не обладает полноценным зрением, является инвалидом. Также Т. пояснил, что оружие он применил, т.к. испугался М. и его знакомых, он не целился в голову М., т.к. в темноте практически не видел, куда стреляет. Кроме того, он знал, что пистолет у него заряжен резиновыми пулями, полагал, что смерть причинить данным оружием невозможно. По делу было установлено, что Т. действовал не с прямым, а с косвенным умыслом, то есть он осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью, но относился к последствиям безразлично, поскольку не видел, куда стреляет, не целился, то есть Т. было безразлично, в какую часть тела он попадет и попадет ли вообще, поэтому он должен нести ответственность не за те последствия, которые могли наступить, а только за те последствия, которые реально наступили, то есть, за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью М. О косвенном умысле виновного на причинение вреда здоровью М. также свидетельствуют способ и орудие преступления. Именно поэтому суд квалифицировал действия Т. по ч. 1 ст. 112 УК РФ, как умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, совершенное с косвенным умыслом.

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных исследованию субъективной стороны преступления в целом, вины и ее форм в частности, проблема квалификации преступления по субъективным признакам часто возникает на практике у следователей, дознавателей, судей. Причины правоприменительных ошибок, связанных с установлением вины, можно связать с рядом обстоятельств: во-первых, с наличием в законодательных формулировках умысла и неосторожности оценочных категорий, затрудняющих их толкование и применение; во-вторых, со сложностью установления и доказывания индивидуального психического отношения лица к совершаемому деянию и общественно опасным последствиям; и в-третьих, с недостаточной теоретической подготовкой работников правоприменительных органов.

⁴² Приговор Слюдянского районного суда Иркутской области от 30.09.2013 г. [Электронный ресурс]. Уголовное дело № 1-73/2013. <https://rospravosudie.com/court-slyudyanskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-456291053/> (10.05.2018 г.)

Список использованной литературы

1. Фельдштейн Г. С. Природа умысла / Г.С. Фельдштейн. — М., 1898. — 22 с.
2. Якушкин С. А. Преимущества принципа субъективного вменения вины в уголовном праве / С.А. Якушкин // Бюллетень науки и практики. — 2017. — №6 (19). — С. 300–303.
3. Верина Г. В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания / Г.В. Верина. — Саратов, 2001. — 216 с.
4. Скляр С. В. Некоторые проблемы законодательной регламентации неосторожной формы вины // Уголовное право. — 2004. — №2. — С. 59–60.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник/ под ред. Б. В. Здравомыслова. — М.: Юристъ, 2000. — 480 с.
6. Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления/ В. А. Нерсесян. — СПб: Юрид. центр Пресс, 2002. — 223с.
7. Козлов А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. — СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. — 819 с.
8. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И. М. Тяжкова. — СПб: Юрид. Центр Пресс, 2002. — 278 с.
9. Уголовное право России: Курс лекций: В 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Т.2. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008.
10. Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 31.05.2012 г. [Электронный ресурс]. Уголовное дело № 1-119/2012. — URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-novosibirsk-a-novosibirskaya-oblast-s/act-105914442/> (дата обращения 10.05.2018 г.
11. Приговор Слюдянского районного суда Иркутской области от 30.09.2013 г. [Электронный ресурс]. Уголовное дело № 1-73/2013. — URL: <https://rospravosudie.com/court-slyudyanskij-rajonnyj-sud-irkutskaya-oblast-s/act-456291053/> (дата обращения 10.05.2018 г.)

